

О ЗАЩИТНОМ ВООРУЖЕНИИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

До настоящего времени в отечественной исторической науке сохраняется достаточно много «белых пятен», одним из которых остается вопрос о вооружении сибирских служилых людей XVII в. – казаков, стрельцов, пушкарей и некоторых других. Историков, занимавшихся изучением этой весьма многочисленной, а в первые десятилетия XVII в. и доминировавшей в Сибири категории населения, интересовали такие проблемы, как источники их комплектования, состав, динамика численности, хозяйственная деятельность, походы, вооруженные столкновения, войсковое самоуправление, взаимоотношения с администрацией [1–11 и др.]. Проблема вооружения при этом оставалась за рамками интересов исследователей. Возможно, это связано с тем, что изучение вооружения служилых людей Сибири XVII в. сопряжено с крайней ограниченностью, скудостью сведений. И прежде всего, сведений, которые содержатся в письменных документальных источниках и являются основной источниковой базой для изучения истории Сибири этого периода, что, собственно, не удивительно. Как неоднократно отмечалось историками, интерес современника направлен на фиксацию чего-либо необычного, особенного. В результате этого обыденные и привычные вещи и явления выпадают из сферы его внимания. Это замечание справедливо и для рассматриваемого периода: все повседневное, «стандартное» для людей XVII в. практически не отразилось в документальных источниках. Даже иностранцы (это касается и Сибири XVII в.) обращали внимание прежде всего на нечто особенное для них и потому интересное, в данном случае – на особенности вооружения, военного дела, отличные от военного дела в их странах [12. С. 4].

Письменные документальные источники, как правило — ведомости сибирских городов, иногда фиксируют сведения о количестве артиллерийских орудий, запасах боеприпасов к ним, реже – данные о запасах свинца и пороха для ручного огнестрельного оружия [13. С. 136–161]. Еще меньше свидетельств о самом ручном огнестрельном оружии; оно упоминается только в связи с какими-либо чрезвычайными ситуациями. Что касается других видов вооружения, то о них можно судить по еще более редким упоми-

паниям, иногда по косвенным признакам, как, например, о защитном вооружении служилых людей XVII в. В то время как защитное вооружение кочевников этого периода, с кем служилым людям приходилось воевать со времени похода Ермака, изучено достаточно подробно и продолжает изучаться [12; 14–17 и др.].

Письменные источники дают достаточно скудные сведения о защитном вооружении служилых людей. Известно, что появление и развитие огнестрельного оружия самым непосредственным образом повлияло на эволюцию и само употребление защитного вооружения, по крайней мере, в Европе с XVII в., когда эффективность ружейного огня резко возросла, и защитное вооружение стало превращаться в бессмысленную тяжесть [18. С. 123–127]. Тем не менее в течение всего XVII в. и даже позднее защитное вооружение все же продолжало использоваться довольно активно, в частности в России. Как следует из наказа псковским воеводам 1643 г., дворянская конница обязательно должна была иметь защитное вооружение [19. С. 125]. Это требование распространялось и на подразделения «нового строя»: к рейтарам и гусарам непременно предъявлялось требование иметь защищенными в бою грудь, спину, голову. «Рейтаром с поляки и с татары никоем обычаем без лат биться не мочно», – свидетельствует источник [20. С. 279].

Логично было бы предположить, что и в Сибири в течение XVII в. служилые люди использовали защитное вооружение. Некоторые, хотя и скудные сведения такого рода дают письменные источники, как документальные, так и повествовательные. Из сибирских летописей мы знаем, что Ермак во время своего последнего боя был в панцире [21. С. 30], который, как считается, и явился причиной его гибели.

В документальных источниках, как правило, некоторые сведения о защитном вооружении встречаются, когда речь идет об организации экспедиций в районы возможных вооруженных столкновений. В 1632 г., при организации похода на Лену, в Мангазею из Москвы вместе с товарами на подарки князьям и обмена на пушнину было прислано 40 панцирей для отправляемых в экспедицию служилых людей, 20 березовских и 20 мангазейских, «для бою с

иноземцы, которые будут государю непослушны» [22. С. 18]. В 1639 г. во время столкновения на Алдане отрядов енисейских и томских служилых людей, принявших участие в многолетнем противоборстве якутских племен, енисейцы захватили трофеи: в источнике упоминаются отобранные у якутов 110 куюков и снятые с томичей кюаки и панцири [23. С. 48]. В 1641 г. с тихоокеанского побережья пятидесятник Иван Москвитин в своих распросных речах давал в Сибирский приказ рекомендации об отправке в Приамурье служилых людей, указывая на необходимость наличия защитного вооружения: «И людей надобет... в збруех: в пансырех или в лагах...» [24. С. 170–171].

Достаточно многочисленной экспедиции В. Пояркова (132 человека, в том числе – 112 служилых), отправившейся на Амур из Якутска в июне 1643 г., было выделено большое количество защитного вооружения. Участники похода получили 70 куюков якутских, 10 панцирей, 17 шапок, 10 наручей и пару наколенников [25. С. 113].

К сказанному можно добавить, что защитное вооружение в конце XVII в. продолжало выдаваться в качестве почетных подарков. В частности, в 1684 г. среди подарков, полученных в Москве тунгусским князем Павлом Гантимуровым, упоминаются два панциря [26. С. 136]. Кроме непосредственного упоминания защитного вооружения, в документальных источниках встречается много косвенных свидетельств о его массовом, если не поголовном, использовании служилыми людьми.

В 1615 г. большую озабоченность у воевод западно-сибирских городов вызывали прикочевывавшие к границам Тарского, Тобольского и Тюменского уездов многочисленные калмыки, численность которых, по оценке разведчика, достигала одиннадцати тысяч [27. С. 270]. Когда калмыки начали вторгаться на территорию уездов, в г. Тара против них был организован большой поход вверх по Иртышу. Участвовало в этом походе 123 человека тарских служилых людей и 259 татар из окрестных волостей. Сражение произошло на территории Тарского уезда на берегу Иртыша «против Большого озера». Согласно ведомости раздачи государева жалованья, выдаваемого «за службу» в качестве поощрения, в том бою было убито 179 калмыков и 136 ранено. В то время как среди участников похода потери составили всего 12 человек ранеными: в том числе 5 казаков и 7 татар. Сведений об убитых нет¹.

В ноябре 1624 г. в местечке под названием Рыбная Ловля на Ангаре несколько енисейских служилых людей во главе с пятидесятником Терентием Савиным, отправленных в тот район

для сбора ясака с ранее объясаченных тунгусов, неожиданно подверглись нападению людей князца Тасея. Укрывшись в избе, служилые смогли застрелить нескольких тунгусов. Несмотря на внезапность нападения, енисейцы остались без потерь. Только сам Т. Савин был ранен в руку².

В июне 1625 г. подвергся нападению тунгусов князца Тасея отряд из 25 енисейских служилых людей, отправленный на его поиски по р. Тасеевой во главе с атаманом Василием Тюменцом. Поднимаясь вверх по реке, служилые преодолели пятнадцать порогов. Прежде чем подняться по шестнадцатому, самому большому порогу, где лес подходил вплотную к воде, а ширина реки, зажатой между высокими скалами, не превышала половины перелета стрелы, В. Тюменец отправил на гору в караул несколько человек. Еще не добравшись до вершины горы, служилые люди заметили по обеим сторонам реки многочисленных тунгусов. Увидев, что они обнаружены, аборигены начали обстреливать енисейцев из луков. Сразу же четверо было убито, а пятый ранен.

Имея от воеводы установку на мирное решение проблемы, атаман вынужден был избегать боя с многократно превосходящим по численности противником. Отведя суда на середину реки и встав на якоря, В. Тюменец попытался при помощи толмача вступить с нападавшими в диалог, но безуспешно: тунгусы вести переговоры не пожелали – «языка и голосу не отдали». Простояв, таким образом, на якоре около трех часов, решили отходить. Тунгусы вновь начали интенсивно обстреливать суда и даже пустились в преследование – гнались за енисейцами три плеса³. Таким образом, неожиданное нападение и массированный обстрел из луков отряда Тюменца принесли тунгусам лишь минимальный результат.

В начале лета 1627 г. отряд атамана Максима Перфирьева численностью около 30 человек возвращался в Енисейский острог после зимовки на Братских порогах. В районе Рыбной Ловли тунгусы, которых оказалось «человек с двести и более», пообещав служилым людям дать ясак, «приманили» их к берегу и внезапно начали обстреливать из луков. В результате этого нападения было ранено 11 енисейцев, казак Поспел Никитин – убит. Сам Максим Перфирьев получил несколько ран: ему стрелами пробиты насквозь обе руки и прострелили левое бедро [28. С. 35]⁴. О потерях у тунгусов сведений нет – служилые вынуждены были спешно уходить на судах от берега, но эффект внезапности

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 149–162.

² СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 6 об. – 7. № 10.

³ Там же. Л. 3 – 3 об. № 4.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 178.

опять не принес нападавшим ожидаемого результата, хотя и нанес енисейцам ощутимый урон. Позднее, 20 июля 1628 г. один из участников этого столкновения стрелец Васька Сумароков подавал в Енисейском остроге воеводе Василию Аргамакову челобитную. Суть челобитья В. Сумарокова заключалась в просьбе наградить его за полученные раны: в том бою ему «те тунгусские люди правой глаз выстрелели вон и левую руку пробили насквозь»⁵.

В скором времени небольшая группа енисейских служилых людей отправилась на рыбалку на р. Черная по Ангаре. В устье этой реки они вновь встретили воинственно настроенных тунгусов. Служилые попытались их уговорить вернуться в подданство – прекратить «воровать». Однако, как и в предыдущих случаях, на предложение енисейцев тунгусы ответили стрельбой из луков. Один из казаков, Григорий Татарский, был ранен двумя стрелами⁶.

Зимой 1629–1630 гг. отряд енисейских служилых людей численностью в 40 человек во главе с атаманом Иваном Галкиным совершал поход на р. Кан против князцов Сота и Кояна, отказавшихся платить ясак в Енисейский острог. В бою за улус противника енисейцы одержали победу, «побив» большое количество неприятеля. При этом среди служилых десять человек были серьезно ранены. Однако Сот и Коян не смирились с сокрушительным поражением и обратились за помощью к окрестным князцам, «собрав из иных многих сторонних улусов иных многих людей». Когда служилые вместе с пленными и захваченным имуществом уже направились в сторону Енисейского острога, на них напали догнавшие их князцы со своими союзниками. Вступать в сражение на открытом месте с многократно превосходившим противником было не разумно. Здесь служилые использовали тактический прием: из имеющихся нарт и лыж они соорудили круговые оборонительные укрепления и, «вернувшись» таким образом, «сели в осад». Пятидневная осада закончилась для енисейцев без каких-либо потерь. А вот князцам и их союзникам был нанесен серьезный ущерб, у них «на приступах многих людей побили» [27. С. 66–67, 422–423].

В 1634 г. атаман И. Галкин во время похода на Лену выдержал в Ленском острожке осаду со стороны объединившихся якутов. Сам И. Галкин принимал активнейшее участие в происходивших сражениях: «...с теми государевы непослушники на приступе и на выласке бился». Примечательно, что у нападавших якутов, исходя из оценки И. Галкина, потери были достаточно большие: «...на тех боех государевых

непослушников многих побили и переранили». А вот якуты, несмотря на многократное численное превосходство, смогли служилых только ранить: «...их, служилых людей, переранили ж и лошадей под ними побили». И. Галкин за время этих столкновений «убил двух мужиков, да мужика ранил, да под мужиком коня убил». При этом сам тоже пострадал – был «ранен четырьмя раны, да под ним же коня убили»⁷. Всего в тех боях было убито, со слов самих служилых людей, 11 якутов, взято в плен 2 человека, ранено 8, у них убито 9 лошадей и ранено 6 лошадей. Енисейцы потерь убитыми избежали. При этом, как свидетельствует послужной список, 2 казака получили по 4 раны, 12 – по 3 раны, 9 человек – по 2 раны, трое – по 1 ране и четверо «бились явственно»⁸.

Подобным образом складывалась ситуация и в последующие годы. В июне 1651 г. при захвате городка даурского князца Гуйгудара в отряде Е. Хабарова (численностью около 300 человек) было убито 4 человека и 45 ранено, в то время как у даур, со слов самого Хабарова, было побито за период осады и штурма городка 661 человек [29. С. 359–361]. Это притом, что во время вылазок казаков дауры активно отстреливались из луков, и сам Хабаров отмечал, что настреляли дауры «на поле стрел как нива стоит насеяна».

Позднее, 29 сентября 1651 г. остановившийся на зимовку в наскоро сооруженном острожке отряд Хабарова подвергся нападению ачанов и дочеров численностью в 800 человек. У казаков погиб лишь один человек, пятеро были ранены, в то время как нападавшие потеряли только убитыми 117 человек [29. С. 364–365]. Безусловно, что в таком соотношении потерь большую роль сыграло отсутствие огнестрельного оружия у аборигенов.

Самым же красноречивым примером уровня военного мастерства сибирских служилых людей является начавшееся с середины XVII в. вооруженное противостояние с маньчжурами. Выше приводился факт удачного противостояния отряда Хабарова многократно превосходящим силам противника [29. С. 365–368].

Позднее, при осаде построенного казаками по всем правилам военного искусства Камаринского острога в марте 1655 г. маньчжуры, несмотря на еще большее превосходство в живой силе и наличие значительного количества огнестрельного оружия, как ручного, так и артиллерии (15 пушек против 3, имевшихся в остроге) [30. С. 96–97], и различных приспособлений для осады и штурма укреплений, за три недели не смогли нанести сколько-нибудь серьезного ущерба казакам и вынуждены были снять осаду.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 147–148.

⁶ Там же. Стб. 12. Л. 209–210.

⁷ Там же. Стб. 72. Л. 26–27.

⁸ Там же. Л. 27–28.

Отстреливаясь из-за острожных стен и совершая вылазки, служилые не только не понесли потерь (был за все время осады ранен один человек), но и нанесли серьезный урон десяти тысячному маньчжурскому войску, захватив у нападавших часть оружия и нескольких пленных [31. С. 136].

Вышеприведенный фактический материал заставляет обратить внимание на следующие моменты:

- 1) несопоставимость потерь у русских служивых людей и их противника;
- 2) характер полученных служилыми людьми ран (руки, ноги, голова);
- 3) удивительную «неспособность» аборигенов попадать из лука в тело русского человека, что, например, для охотившихся при помощи лука на соболя тунгусов выглядит невероятным.

Все это может свидетельствовать только об одном – поголовном использовании служилыми людьми Сибири защитного вооружения на протяжении всего XVII в. Удивление вызывает отсутствие сведений об изготовлении защитного вооружения. Например, при достаточно развитой для Сибири второй половины XVII в. металлообработке в Енисейске кузнецы города и уезда занимались в основном изготовлением изделий хозяйственного назначения. В тех случаях, когда речь шла об оружии, подразумевался, как правило, ремонт огнестрельного оружия или отливание пушек [32. С. 245–247; 33. С. 119–130]. Хотя все же некоторых кузнецов именуют в документации бронными мастерами и периодически переводят на постоянное место жительства в города Восточной Сибири для выполнения именно этих функций. Некоторые из кузнецов к середине XVII в. успели даже «приобрести» соответствующие фамилии Бронниковых [33. С. 123, 125–128, 256–259].

Отсутствует защитное вооружение и в арсеналах сибирских городов и острогов. В «Ведомости сибирских городов» 1701 г. защитное вооружение встречается лишь несколько раз, попав в «наряд» некоторых городов каким-то случайным образом. В Красноярске это «куяк бит на черном бархоте, пансыр колцо воробев носок, шишак железной полишной». В Илимске – «2 куюка с наручи розбиты, шапка литовская, шишак, пансырь». И в Якутске – «6 пансырей, наручи, 6 шишаков» [13. С. 147, 149, 150]. Таким образом, в качестве основного защитного вооружения служивых людей в Сибири XVII в. встречаются куюки и панцири.

Куюк, бывший на вооружении русской армии в XVII в., как можно судить по литературе, представлял собой рубаху без рукавов с пришитыми наподобие чешуи железными пластинами. Пластины, как правило, были прямоугольными, размером примерно 5 × 4 см [19. С. 65]. Рубаха,

использовавшаяся в качестве основы куюка, была чаще всего кожаной. Однако, как отмечалось выше, в Красноярске в 1701 г. встречается куюк с тканевой основой – «на черном бархоте» [13. С. 147], да и В. Даль описывал куюк как «щитковые, чешуйные или наборные латы из кованых пластинок по сукну» [34. Т. 2. С. 230]. Возможно, что красноярский куюк был трофейным, захваченным у енисейских киргизов: известно, что в XVII в. кочевники занимались изготовлением защитного вооружения непосредственно в степях, пришивая «платя к куюкам». Причем именно такой – мелкопластинчатый чешуйчатый доспех на основе куючного платя, пользовался наибольшей популярностью у кочевников, так как защищал от таранного удара копьем и не стеснял при кавалерийской рубке [14. С. 9]. Поскольку такой тип чешуйчатого доспеха, в виде рубахи без рукавов, сформировался в Южной Сибири и Центральной Азии еще в конце I тыс. [12. С. 196–198], то не удивительно, что именно он к XVII в. получил распространение у некоторых народов Сибири, прежде всего у бурят и якутов [28. С. 312; 35. С. 248].

Что касается другого упоминаемого в источниках средства защиты, панциря, то здесь, прежде всего, необходимо разобраться с существующей в литературе терминологией. В. Даль определял панцирь как собственно броню, долгую кольчугу до колен, с короткими рукавами, кольчужную рубаху [34. Т. 3. С. 16]. А кольчугу именовал броней, кольчатой рубахой, доспехом из мелких колец сеткою [34. Т. 2. С. 145]. Кроме того, известно, что кольчужная рубаха названа панцирем уже в Коране [6. С. 114]. Исследования археологов также свидетельствуют о том, что кольчатый доспех носил название панциря [15. С. 79–88].

Однако исследователи, занимавшиеся изучением русского оружия, отметили, что на Руси вплоть до XVII в. панцирем называли доспех из более мелкого и тонкого кольца, который был в два раза легче собственно кольчуги, весившей в XVI–XVII вв. 5–9 кг. Такая разница в весе должна свидетельствовать и об их размерах, прежде всего длине, тем более что кольчуга была и существенно дороже панциря. Отсюда и большая распространенность панциря, встречавшегося в 50–70 раз чаще кольчуги [19. С. 59–60]. Эту точку зрения подтверждает и «Ведомость сибирских городов», упоминающая в «наряде» Красноярска в 1701 г. кольчужный панцирь с указанием размера его кольца: «...пансыр колцо воробев носок» [13. С. 147]. В научной литературе отмечено, что кольчатый панцирь обладал значительным преимуществом перед другими видами защитного вооружения. В частности, благодаря ему джунгары громили маньчжурохалкаское войско во второй половине XVII в.

Не случайно русский панцирь пользовался большой популярностью и невероятно ценился у кочевников [15. С. 81–82].

Надо полагать, что кольчуга являлась элементом защитного вооружения представителей знати, если и принимавших непосредственное участие в сражениях, то в конном строю, в то время как панцирь и куяк были элементами вооружения основной массы служилых людей, причем настолько обычными, что это, за редким исключением, не фиксировалось в источниках. Приобретение защитного вооружения являлось, по всей видимости, личным делом казаков и стрельцов, и воеводская администрация не принимала в этом участия, в отличие от снабжения их огнестрельным оружием и боеприпасами. Выделение некоторого количества панцирей и куяков участникам экспедиций в отдаленные районы являлось скорее исключением из правил. К тому же необходимо учитывать, что в такие походы часто отправлялись добровольцы из числа торговых и промышленных людей, так называемые «охочие люди», которые могли и не иметь защитного вооружения. Это уже создавало некоторые проблемы для администрации, требовало от нее определенных действий по закупке средств защиты для некоторых участников подобных экспедиций. Не случайно для обеспечения участников таких походов защитным вооружением, как говорилось выше, присылали панцири из Москвы или использовали куяки местного изготовления, как, например, при организации экспедиции В. Пояркова, когда якутские воеводы П. Головин и М. Глебов приказали выдать 70 якутских куяков (скорее трофейных, чем купленных).

В сочетании с огнестрельным оружием, пробивавшим те же куяки и панцири, встречавшиеся у сибирских народов, защитное вооружение давало служилым людям огромное преимущество перед аборигенами, по крайней мере, в таежной зоне Сибири. В граничивших со степью районах, где кочевники издавна имели на вооружении различные типы наконечников стрел, ситуация могла складываться по-иному, и это является темой отдельного исследования. Тем не менее вышеприведенные примеры столкновения с калмыками свидетельствуют, что защитное вооружение давало служилым людям серьезное преимущество и перед кочевниками. Стоит добавить, что активное использование служилыми людьми в бою всевозможных укрытий увеличивало их преимущество перед аборигенами еще больше.

Список литературы

1. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
2. Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.
3. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.
4. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925.
5. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Науч. тр. М., 1959. Т. 4.
6. Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.; Л., 1952.
7. Визе В. Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX веков. М.; Л., 1948.
8. Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск, 1939.
9. Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Дис. ... канд. ист. наук: М., 1972.
10. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.
11. Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
12. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
13. Первое столетие сибирских городов. XVII век. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. 7.
14. Бобров Л. А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы XL Регион. археол.-этногр. студ. конф. 1–6 февраля 2000 г. Новосибирск, 2000. Т. 2.
15. Бобров Л. А. О путях «вестернизации» азиатского панцирного вооружения в позднем средневековье и в новое время (XV–XVIII вв.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 3.
16. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья // Военное дело nomadov Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.
17. Худяков Ю. С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991.
18. Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995.

19. Денисов Е. Н., Денисова М. М., Портнов М. Э. Русское оружие XI–XIX вв. М., 1953.
20. Боявленский С. К. Вооружение русских войск XVI–XVII вв. // Исторические записки. М., 1938. Кн. 4.
21. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
22. Бахрушин С. В. Открытие Якутии русскими в XVII в. и присоединение ее к России // Якутия в XVII в. Якутск, 1953.
23. Бродников А. А. Алданские события 1639 г. (к вопросу о взаимоотношениях русских служилых людей и коренного населения Якутии в первой половине XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993.
24. Тураев В. А. И на той Улье реке... Русский землепроходец И. Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Хабаровск, 1990.
25. Полевой Б. П. Новое об Амурском походе В. Д. Пояркова (1643–1646 гг.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
26. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984.
27. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.
28. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
29. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. 3.
30. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.
31. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991.
32. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.
33. Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965.
34. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 4.
35. Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1.

Материал поступил в редколлегию 19.10.2006